

Бюрократизм: внутренний враг рабочего движения

Интервью с Даном Галлином, взятое Питером Холл-Джонсом для New Unionism Network (<http://www.newunionism.net>) в 2009 году. Публикуется по книге «Solidarity: Selected Essays by Dan Gallin» (L.: Labour Start, 2014), перевел П.Кудюкин.

Откуда происходит бюрократизм в профсоюзном движении? Или, точнее говоря, как мы можем избавиться от него?

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к известному своей прямоотой Дану Галлину, в настоящее время председателю Глобального института труда. До того, как занять этот пост, Галлин в течении 29 лет занимал должность генерального секретаря Международного союза работников пищевой и табачной промышленности, сельского хозяйства, гостиничного и ресторанного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей (IUF). Он был также президентом Международной федерации ассоциаций рабочего образования в 1992-2003 гг., директором по вопросам организации и программы представительства Организации в глобальном масштабе женщин, занятых в неформальном секторе (WIEGO) в 2000-2002 гг.

N.U.: Общеизвестно, что профсоюзное движение является крупнейшей демократической силой в современном мире. Однако слишком многие члены профсоюзов жалуются на бюрократическое поведение на уровне руководства. Считаешь ли ты это реальной проблемой, и если да, что ты думаешь о корнях этого явления?

Д.Г.: Начнем с того, чтобы рассмотреть проблему в более широком контексте. Уровень бюрократии в профсоюзах постоянно преувеличивается. У нас в этой области гораздо меньше сложностей по сравнению, скажем, с корпорациями. Конечно, корпорации по самой своей природе – структуры, власть в которых построена сверху вниз – что может быть менее демократичным, чем типичное рабочее место? – и мне трудно представить что-то более расточительное, чем иные менеджерские бюрократии. Подумайте также о бюрократии в государственных структурах, или в трехсторонних органах, или в неправительственных организациях. Разница в том, что профсоюзы по самой своей структуре и социальной роли сознательно привержены принципам внутренней демократии, и провалы здесь не скрываются и называются своими именами. Основы структуры профсоюзного движения демократичны и в нем постоянно идет борьба за утверждение и обновление демократии. Профсоюзы должны давать нечто людям, и здесь между запросом и «поставкой» минимальный разрыв во времени. Подумайте, например, о коллективных переговорах. Профсоюзы постоянно готовы к отчету перед своими членами.

N.U.: Так ты хочешь сказать, что проблемы на самом деле нет?

Д.Г.: Отнюдь. Я вовсе не хочу преуменьшать проблему. Я имею в виду, что бюрократия пронизывает любую институциональную и организационную жизнь. Ведь что такое, в сущности, бюрократия? Это часть системы управления, а управление необходимо в любой организации. Проблема возникает, когда управленцы развивают свой собственный

групповой интерес, отдельный и в конечном итоге противоречащий интересам людей, которых эти управленцы вроде бы должны обслуживать.

Это достаточно серьезная проблема в системе государственной власти, где государственные служащие и составляют бюрократию, которая очень легко превышает свои полномочия. В демократических режимах гражданские служащие, как подразумевается, являются слугами народа. И как только они начинают вести себя как хозяева, демократия оказывается в опасности.

В профсоюзном движении проблема даже еще серьезнее, потому что его управленцы, его собственная «государственная служба», если можно так выразиться, должна представлять людей, у которых нет иных источников силы, кроме собственной организации. И если такая организация перестает откликаться на их нужды, они теряют все. Управленцы, выстраивающие свою власть за счет членов, предают их доверие – это измена.

N.U.: Но если, как ты говоришь, профсоюзное движение демократично по своей сути, почему же мы слышим эти жалобы на профсоюзы, управляемые как диктатуры и/или олигархии?

Д.Г.: На самом деле таких случаев не так уж и много, особенно в относительных показателях. То, с чем мы имеем дело – это некоторые очень заметные примеры переродившихся организаций, которые стали притчей во языцех. Их ложно, чаще всего в целях антипрофсоюзной пропаганды, изображают как типичные для всего движения. Но не существует гарантий против того, чтобы организация, даже с лучшими демократическими традициями, не оказалась захвачена антидемократическими кликами или лицами.

Захват русской революции коммунистической бюрократией во главе со Сталиным – классический пример. После быстро минувших четырех или пяти лет живое, радикально-демократическое революционное массовое движение начало уступать путь правлению бюрократии, которая сначала захватила, затем консолидировала власть методами террора, полицейского и военного террора против собственного народа в масштабах, невиданных до того в новейшее время. Целое новое общество с бюрократическим новым классом!

Как же такое случается? Для того, чтобы работать, демократия нуждается в активной постоянной поддержке больших масс народа. В профсоюзе это означает активное участие основной части членов. Демократия – это не состояние, это деятельность, на самом деле это тяжелая работа, постоянно развивающаяся работа. То же самое можно сказать и о свободе.

Большинство людей не способно постоянно сохранять высокий уровень включенности. Они не профессионалы организации, они должны заниматься своими жизненными проблемами, поэтому может возникнуть «усталость от демократии», особенно после периодов высокого общественного напряжения. Они, возможно, в течение какого-то времени не будут обращать внимания на то, что происходит в организации, верх берут рутинные процедуры и профессиональные управленцы. Если лидеры не обучены в правильном политическом духе, если они не личности высочайшей честности, и если они не находятся под постоянным надзором и контролем, они могут начать относиться к организации как к своей собственности.

Вот почему в сферу ответственности прогрессивного и демократического руководства любого профсоюза входит поддержание таких уставных и практических условий, которые

обеспечивают и поощряют участие рядовых членов и контроль с их стороны, не делают такое участие слишком обременительным.

N.U.: Просто чтобы уточнить: ты можешь объяснить, что значит «обучены в правильном политическом духе»?

Д.Г.: В духе социалистической политики, разумеется. Я имею в виду политику, основанную на ценностях, лежавших в основе рабочего движения с самого его зарождения и сделавших его великим: солидарность, самоотверженность, уважение к людям, чувство чести, скромность, что приходит с осознанием себя бойцом на службе великого дела, презрение к карьеризму, или «*refus de parvenir*»*, как это называл Монатт¹.

N.U.: Как ты думаешь, холодная война повлияла на бюрократизацию движения?

Д.Г.: Несомненно. В ситуации крайней поляризации, продуцируемой внешними силами, очень легко утратить видение изначальной цели предприятия.

Во-первых, давайте проясним, о чем мы вообще говорим. Холодная война была конфликтом между государствами, двумя блоками государств, возглавляемыми сверхдержавами того времени, США и СССР, в период примерно с 1949 по 1989 г.

Как бы там ни было, этот конфликт не имел ничего общего с гораздо более давним конфликтом внутри рабочего движения. Последний возник после Октябрьской революции, когда Российская коммунистическая партия создала свой собственный Интернационал и объявила войну всем прочим левым течениям, если те не соглашались безоговорочно принять их диктат². Конфликт стал непреодолим, когда коммунистическое руководство дошло до заключения в тюрьму и казни активистов других левых течений там, где это руководство контролировало территорию, в том числе и коммунистических оппозиционеров и диссидентов. При Сталине это превратилось в непрерывную кампанию уничтожения, включая посылку по всему миру киллеров, чтобы убивать его оппонентов.

Стоит ли после этого удивляться, что большинство левых всех течений стали «антикоммунистами» в том смысле, что они организовывались, чтобы всеми доступными средствами бороться против коммунистических террора и навязывания гегемонии.

Когда нацистская Германия напала на СССР, нарушив подписанный за два года до того договор, СССР оказался участником антинацистской коалиции военного времени. Несмотря на предыдущую историю и опыт, значительная часть западного профсоюзного движения, занимавшего преимущественно социал-демократические позиции, было готово к организационному единству с профсоюзными организациями советского блока. Результатом стало учреждение в 1945 г. Всемирной федерации профсоюзов. Но ее существование как унитарной структуры мирового профсоюзного движения продолжалось всего четыре года (хотя как коммунистическое охвостье она продолжила свое существование и существует и доныне).

Единство, на котором основывалась ВФП, было единством правительств, а не единством рабочего движения – ни один из вопросов, вызывавших напряженность между коммунистами и всеми другими левыми, разрешен не был. Когда единство правительств уступило место соперничеству США и СССР за господство в мире, искусственное верхушечное единство ВФП тоже испарилось.

* Отвержение карьеризма (фр.)

Случившееся потом стало гонкой двух блоков за завоевание поддержки со стороны структур гражданского общества (рабочих, молодежных, студенческих, женских и т.п. организаций), а на самом деле за получение контроля над ними. И профсоюзы были приоритетной целью.

И вот мы подходим к очень непростому сюжету, о котором надо говорить без обиняков. Правительства Запада и некоммунистические левые внезапно обнаружили, что у них общий противник. Конфликт между правительствами – «холодная война» – и возникший ранее конфликт внутри рабочего движения наложились друг на друга. Для некоторых они стали просто неразличимы.

Вот каким образом установившиеся во время войны отношения, которые некоторые социалисты – и не только они – установили с политическими службами правительств США или Соединенного королевства (не считая других) для борьбы против нацистов, незаметно перетекли в борьбу за «свободный мир», против новой тоталитарной угрозы.

В реальности мы, разумеется, по-прежнему имели дело с двумя разными конфликтами и двумя разными интересами. Один состоял в борьбе со сталинизмом во имя защиты интересов рабочего класса, другой – в борьбе против СССР как империалистического соперника США. Эти позиции вряд ли совместимы между собой, но ведь одна из вещей, которую в политике осознать труднее всего (особенно когда тебе приставили нож к горлу), это то, что совсем не обязательно враг твоего врага – твой друг.

Несмотря на кажущуюся симметрию положения профсоюзного движения внутри каждого из блоков, действительная ситуация сильно отличалась. В советском блоке профсоюзный аппарат был частью, причем подчиненной частью, правительственных структур полицейского государства. К инакомыслию относились как к уголовному преступлению или как к психическому расстройству. Так что в этом контексте вопрос бюрократии возник вовсе не в связи с холодной войной – вся система была насквозь бюрократизирована задолго до нее. В первые десятилетия своего существования эта система не могла быть разрушена изнутри.

Ситуация на Западе очень сильно отличалась: здесь шла трехсторонняя битва между защитниками объединения на проамериканской платформе, приверженцами и апологетами советской политики и теми, кто не уставал повторять, что ни тот, ни другой выбор не представляет интересов рабочего класса и что рабочее движение должно отказаться от союза и с той, и с другой стороной.

Те из нас, кто придерживался последней позиции, верили, что наиболее значимая линия разделения в современном мире проходила вовсе не по вертикали между двумя блоками, но по горизонтали – между трудящимися и правящими обеих систем. Это основополагающее разделение проходило по обоим блокам.

Придерживаться такой позиции было непросто. Давление, чтобы заставить присоединиться к одному из блоков и вести себя конформистски, было очень сильным. Следует принять во внимание, что международный департамент АФТ-КПП во главе с Джорджем Мини³ и Джемом Лавстоном⁴ (этим доктором Стрейнджлавом⁵ рабочего движения) вместе с прислужником последнего Ирвингом Брауном⁶ и различными институтами, связанными с АФТ-КПП, пытались по всему миру подкупать профсоюзы на деньги американского правительства и в тесном сотрудничестве с ЦРУ. Они стремились разрушить любую организацию и устранить любого человека, не разделяющих их линию,

независимо от того, были ли они на самом деле коммунистическими. Они не искали союзников, они вербовали агентов.

Со стороны советского блока действовали точно такие же люди, также получавшие солидную дипломатическую и финансовую поддержку. Нетрудно догадаться, каким был результат такой конкуренции: она распространяла культуру коррупции, особенно в Африке, где движение было самым слабым и особо уязвимым, но так же и в Азии, Латинской Америке, Европе, да и в самих Соединенных Штатах, где некоторые из рабочих лидеров оказались вовлечены в проведение политики холодной войны. При этом большинство даже не задумывалось, зачем нужен международный департамент и не слишком интересовались его деятельностью, пока все эти операции не были разоблачены в середине 1960-х гг.

В этом смысле холодная война была очень мощным фактором бюрократизации рабочего движения на Западе: она создавала и усиливала коррумпированное руководство, которое уже не должно было принимать во внимание рядовых членов, навязывало политический конформизм, душило дискуссии, подавляло инакомыслие и изолировало всякую радикальную оппозицию, устраивая травлю «красных».

N.U.: Некоторые из авторов, пишущих о рабочем движении, доказывают, что принятие политики холодной войны, антикоммунистические чистки, проводившиеся лидерами американского рабочего движения, внесли свой вклад в его паралич во время консервативного наступления недавних лет.

Д.Г.: И да, и нет. Все было не так просто. Это правда, что после антикоммунистических чисток в Конгрессе производственных профсоюзов (КПП) и его слияния в 1955 г. с Американской федерацией труда (АФТ) в объединенной АФТ-КПП господствовали консервативные элементы из АФТ. Эти люди впоследствии продемонстрировали полный провал перед лицом глобализации и консервативного наступления, запущенного Рейганом и продолженного всеми следующими президентами, как республиканцами, так и демократами.

Но проблема такого прочтения истории состоит в том, что оно снимает с американской Компартии всякую ответственность за такое развитие событий. КП и ее профсоюзным активистам приписывается роль невинной жертвы. При этом не замечают той войны, которую КП с момента своего рождения вела против всех левых: сначала против Индустриальных рабочих мира и социалистов, затем против троцкистов и против любых радикальных групп, над которыми не могла установить свой контроль, и, разумеется, против любых профсоюзных лидеров, неважно, занимали они прогрессивные позиции или нет. КП сделала все, что было в ее силах, чтобы разрушить левое движение в США, и как было описано в известном стихотворении Нимёллера⁷, когда взялись за саму компартию, уже не оставалось никого, чтобы ее защитить.

Следует сказать, что большинство консервативных профсоюзных боссов не нуждалось в холодной войне, чтобы быть пламенными антирадикалами, суперпатриотами, а в конечном счете – совершенно беспомощными, когда нужно было противостоять кампаниям правых против рабочего движения. Надо помнить, что тут мы имели дело с очень тупыми людьми. Они могли обладать житейским умом и хитростью, но ничего не знали о мире и были неспособны к стратегическому мышлению. Корни консерватизма в американских профсоюзах глубоко проанализированы такими авторами, как Дэниэл Фусфельд и Патрисия Кайо Секстон⁸. Что действительно создала ситуация холодной

война, так это возможность для людей, подобных Лавстону, организовать правое крыло американской профсоюзной бюрократии как базу для ведения более масштабных международных операций, возможность изолировать левых лидеров рабочего движения, таких, как Уолтер Рейтер⁹, Ральф Хельстейн¹⁰ и Пэт Горман¹¹, так же как и некоторые хорошие профсоюзы с коммунистической историей, например Международный профсоюз портовых грузчиков и складских рабочих (ILWU) и Объединенных рабочих электротехнической и радиопромышленности и рабочих-станочников (EU).

N.U.: Но разве не коммунисты по крайней мере разоблачили нелегальные правые операции, в которые были вовлечены американские профсоюзы?

Д.Г.: Совсем нет. Конечно, они всегда были рады разоблачать операции типа свержения Арбенса в Гватемале или Гуларта в Бразилии как примеры действий американского империализма, но ни разу не разоблачали вовлечения профсоюзов в империалистические операции. Операции ЦРУ и британских спецслужб были извлечены на свет в середине 1960-х троцкистами и независимыми радикалами. После этого историю подхватила «Нью-Йорк Таймс» и она произвела грандиозный скандал. КП ни на одной из стадий этой истории не имела к ней никакого отношения. Потом, разумеется, об этом сюжете все писали.

N.U.: Пока все это происходило в США, бюрократизация ведь наверняка была нарастающей проблемой и в европейском профсоюзном движении? Так?

Д.Г.: В Европе и повсюду, в той же Японии, поляризованная политика холодной войны так же давила в пользу конформизма и удушения инакомыслия, однако Европа – очень сложно устроенный регион, с многообразием профсоюзных и политических культур, так что здесь чрезмерные обобщения не слишком полезны. В некоторых странах политика холодной войны играла очень важную роль, в некоторых была едва заметна.

Гораздо более глубокое и повсеместное влияние имели последствия войны. Сегодня трудно представить себе, насколько было разрушено историческое рабочее движение, сначала подъемом фашизма в 1920-е и 1930-е годы, затем самой войной, связанной с оккупацией большей части Европы нацистской армией и полицией. В большей части Европы структуры рабочего движения были стерты с лица земли; и не только партии и профсоюзы, но и вся институциональная инфраструктура, через которую движение было укоренено в обществе: институты взаимопомощи и социального обеспечения, кредитные союзы, кооперативы, культурно-просветительные организации и структуры, занимавшиеся организацией отдыха – буквально все.

Большинство лидеров движения, вплоть до самого низового уровня, вынуждено было эмигрировать, либо подверглись заключению в концлагерях, либо погибли в ходе войны. Мы потеряли многих из лучших наших людей. Одна из важных партий Рабочего Социалистического Интернационала, еврейский Бунд¹² был полностью уничтожен, вместе с тем населением, которое его поддерживало. Никто даже не представлял, что такое вообще возможно, и те, кто надеялся, что конец Второй мировой войны станет прологом нового периода социальной революции, переигрыванием 1918-го, просто потеряли связь с реальностью.

Если оценивать ситуацию поверхностно, профсоюзы вышли из войны усилившимися – в конце концов, мы же были на стороне победителей, в то время как большой бизнес по всей Европе сотрудничал с фашистами и много за что должен был просить прощения. На самом же деле рабочее движение было куда слабее, чем представлялось, и гораздо сильнее

зависело от государства, чем до войны. Поначалу это тоже не казалось проблемой, поскольку большинство послевоенных правительств занимали позиции, так или иначе благоприятные для рабочего движения, но постепенно развитие событий привело к потере профсоюзами политической и материальной независимости. И да, эта ситуация также питала бюрократизацию.

В то время как довоенное рабочее движение осознавало себя, хотя бы в принципе, как контр-культуру и альтернативное общество, после войны движение заключило мир с «социальной рыночной экономикой» и ограничило свои требования условиями для лучшей жизни в рамках системы (полная занятость, социальное обеспечение, социальная защита, хорошие зарплаты и условия труда).

В этой ситуации руководство движения все меньше хотело сохранять всю сеть связанных с ним институтов. Если вы не хотите менять общество, у вас нет нужды в построении альтернативной культуры или альтернативной экономики. Подумайте только о средствах, которые экономятся при отказе от всего этого. И вот профсоюзы сосредоточились на том, что полагали своим «основным делом» – на коллективных переговорах с «социальными партнерами», а партии занялись исключительно выборами. В результате движение утратило свою укорененность в обществе, потеряло многие из своих «мозговых трестов» и образовательных учреждений, рассталось со своей «периферией», сферой влияния, предпольем обороны.

Одновременно благодаря Плану Маршалла в послевоенной Европе происходил рост благосостояния. Истощенный рабочий класс после лишений и страданий военных лет постепенно восстановил свой жизненный уровень, а потом в течение тридцати лет жил все лучше и лучше. И почему, собственно, нет? Но по мере того как рабочий класс терял роль решающего политического фактора, этот процесс создал проблему, с которой движение не смогло справиться, тем более что он совпал с подъемом медийных империй, развитием телевидения, финансируемого главным образом из рекламных поступлений. Наше движение оказалось не готово бороться на этом поле. Именно здесь мы проиграли информационно-коммуникационную войну. Мы потеряли свою прессу, любые независимые средства выражения культуры рабочего класса, что в долгосрочном плане проявилось в проигрыше культурных войн 1990-х гг.

Многие из проблем, поднимавшихся исчезнувшим гражданским обществом трудящихся, были подхвачены другими движениями (феминистским, экологическим, правозащитным и т.д.), но это уже иная история.

В таких странах, как Франция, Италия и Греция, где в рабочем движении преобладали компартии, рабочий класс стал заложником политики холодной войны и соответствующих политических позиций. Они оказались заморожены на тридцать или сорок лет. В некоторых других странах, прежде всего в Германии, холодная война также внесла свой вклад в приглушение политической дискуссии и искажение приоритетов профсоюзного движения.

Наконец, европейские профсоюзы «подсели» на государственные субсидии, главным образом на специальные виды деятельности, такие как обучение активистов или участие в официальных и квази-официальных институтах и встречах. Сегодня во многих странах профсоюзы просто не смогут действовать без государственного финансирования, они привыкли к нему.

И что же мы получили в итоге? Сильно бюрократизированное и пассивное движение, сначала возглавляемое выжившими в войне, вскоре им на смену пришли самодовольные и заносчивые карьеристы, которые с удовольствием зависели от государства. Они распорядились завоеваниями прошлых битв, но не желали вести новые, отвергали любые идеи со стороны и полагали, что не должно происходить ничего нового. Такого рода руководители воспитывали членов профсоюзов как пассивных потребителей профсоюзных услуг, а не участников борьбы.

N.U.: Ты же чуть раньше говорил, что в том, что касается Европы, вряд ли полезны чрезмерные обобщения. Это можно отнести к тому, что ты только что сказал?

Д.Г.: Ты поймал меня на слове. Мне кажется, то, что я пытался сделать, так это вывести некий общий знаменатель, дать обобщенную картину, которая не может быть механически применена к любой стране. Например, в скандинавских странах, если не считать быстро преодоленный раскол в Финляндии, холодная война вообще вряд ли повлияла на рабочее движение. В Испании, где профсоюзное движение вышло на поверхность после конца фашистского режима лишь в 1970-х гг., стремление к низовой демократии очень сильно сказывается. Во всей Восточной Европе ситуация тем более особая, очень сложная ситуация, с разными противоречивыми тенденциями. И, разумеется, всегда и везде бывают исключения. Были же такие выдающиеся рабочие лидеры, как Отто Бреннер¹³, Вильгельм Гефеллер¹⁴ в Германии, Джек Джонс¹⁵ в Великобритании, Андре Ренар¹⁶ в Бельгии. Таким образом, необходимо очень точно и тонко оценивать ситуацию в каждой стране. Но многие признают мое описание точным, и в этом случае, как гласит поговорка, «чешишь, когда чешется».

Точно так же я не хотел бы идеализировать предвоенное рабочее движение в Европе. Там было слишком много катастрофических поражений, которые не были неизбежными. Ведущие рабочие партии Германии и Австрии обладали вооруженной милицией, которая была готова сражаться и ждала только приказа, а он так и не поступил. Правительство Народного фронта во Франции отказалось поддержать Испанскую Республику в ходе гражданской войны, которая, победи в ней республиканцы, изменила бы ход истории. И это не говоря уже о катастрофической политике коммунистов и в Германии, и в Испании, повсюду. Эти поражения необходимо осмыслить и извлечь из них уроки. Но даже с учетом сказанного, по крайней мере, уровень притязаний рабочего движения тогда был выше.

N.U.: Ты долго был генеральным секретарем МФП (IUF) и активно участвовал в международном профсоюзном движении. Как последнее справлялось с проблемой бюрократизма?

Д.Г.: С трудом. Надо понимать, что международное движение – это уровень, еще дальше отстоящий от рядовых. Членами международных профсоюзных объединений являются не индивидуальные работники, а национальные профсоюзы, поэтому международная организация неизбежно отражает культуру и практики своих членских организаций, прежде всего наиболее крупных.

Поэтому они почти неизбежно являются бюрократическими по структурным причинам. Однако политика руководства, прежде всего секретариата и руководящих органов, может быть иной. Вы можете быть организацией с глубоко укорененной культурой боевитости и демократии, которая будет заниматься двумя вещами: во-первых, обеспечивать, чтобы демократические практики уважались и поощрялись в деятельности самих руководящих

органов, и, во-вторых, укреплять демократическое участие внутри членских организаций везде, где только возможно, например, через образовательные программы, публикации и т.д.

N.U.: Но есть и противоположные примеры...

Д.Г.: Разумеется. Повторю еще раз: это вопрос политики, того, как вы понимаете ситуацию и, соответственно, необходимую реакцию профсоюза на нее. Если вы исходите из того, что «социальное партнерство» является адекватным описанием того, что происходит в отношениях между трудящимися и руководителями с одной стороны и владельцами предприятий с другой, из того, что социальные изменения происходят в результате переговоров между политическими лидерами при участии экспертов – через «социальный диалог» – тогда вы направите свои ресурсы и энергию на лоббирование разного рода. Предпочитаемыми партнерами в таких переговорах окажутся бюрократы из правительственных структур и объединений работодателей. Встреча за встречей вы будете торговаться о словах и считать большой победой, если удалось изменить формулировку в итоговом заявлении. Это может продолжаться бесконечно, и никто никогда не заметит сдвигов. Рабочие, состоящие в такого рода организациях, могут даже не знать, что являются их членами.

N.U.: Каким образом рабочие, рядовые члены профсоюзов, могут научиться распознавать разницу между полезными и бесполезными организациями? Когда бесполезность становится очевидной?

Д.Г.: Очень просто: рабочие с уверенностью скажут, в чем разница, как только будут вовлечены в конфликт. Когда он случается, разница очень быстро выходит на поверхность. И нравится ли это нашим продающим себя международным артистам или нет, профсоюзы существуют для того, чтобы участвовать в конфликтах. Соответственно международное объединение может либо поддерживать все забастовки, на деле следовать лозунгу «один за всех, и все за одного» (вторая часть особенно важна), либо оно начинает посредничество вместо борьбы, пытается минимизировать или убить конфликт, либо даже становится на сторону работодателя, лишь бы избежать проблем.

N.U.: А каким образом это связано с проблемой бюрократизма? Ты хочешь сказать, что политика и бюрократизм связаны между собой?

Д.Г.: Да, и очень сильно. Однако связь вовсе не механическая. Например, было бы большим упрощением и просто ошибкой сказать, что левая политика защищает нас от бюрократии. А если мы говорим о коммунистической традиции, то верным будет как раз обратное, почти всегда. Это относится и к маоизму, крайней форме сталинизма. Люди, вышедшие из этой школы, часто отличаются опасным авторитаризмом. Даже изменив политические взгляды, они вовсе не обязательно меняют методы.

Разумеется, и у социал-демократии есть своя ужасающая бюрократическая традиция; Даже анархистские и синдикалистские организации, вопреки легенде, могут управляться крайне авторитарно и бюрократически.

Нет, единственная форма политики, обеспечивающая эффективное противоядие от бюрократизма, это такая разновидность социалистической политики, которая содержит сильный элемент радикальной демократии. Это возвращает нас к Марксу, но, вопреки видимости, такое течение никогда не было господствующим в социалистическом движении. Оно выходит время от времени на поверхность, такие личности, как Роза

Люксембург, были типичными его представителями. В левом политическом семействе есть и другие его представители. В США примером был Юджин Дебс.

N.U.: Это не слишком-то широкая политическая опора. Если это все, чем мы располагаем, не проиграна ли борьба с бюрократизмом даже до своего начала?

Д.Г.: Нет, потому что на самом деле мы можем рассчитывать на существенно большее. Политика радикальной демократии отвечает глубочайшим и основополагающим потребностям работников, и они это чувствуют. Они вновь и вновь возвращаются к ней по собственной инициативе, они во многих случаях стихийно развивают демократические формы организации, ведения борьбы, управления своими организациями. Роза Люксембург это понимала. Это устремление очень сильно. Именно здесь основная причина того, что рабочее движение обладает такой демократической культурой, несмотря на давление окружающего их общества, «старой мерзости», как называл это Маркс¹⁷.

N.U.: Видишь ли ты желание рабочих, чтобы более глубокие формы демократии распространялись из штаб-квартир профсоюзов вниз до самых рабочих мест?

Д.Г.: Да, с тем только уточнением, что движение идет в другом направлении, от рабочего места – «пункта производства», как любили говорить члены Индустриальных рабочих мира – к штаб-квартире профсоюза. Демократия должна начинаться на рабочем месте. Как я уже говорил, это фундаментальная потребность рабочих, а на самом деле во многих случаях и людей вообще. Подумай о женских движениях, или о движениях крестьян – во всех прогрессивных массовых движениях рождается именно это требование прозрачности и подотчетности руководства.

Центральный пункт приложения усилий – воспитывать и усиливать политику радикальной демократии, то особое направление социалистической политики, которая, по моему убеждению, и является подлинным марксизмом, настаивающим, что власть, в какой бы области она не осуществлялась, должна находиться в руках трудящихся. Сегодня это значит – в руках почти всего общества, поскольку едва ли не каждый принадлежит к рабочему классу, знает он об этом или нет. Чтобы прийти к этому состоянию, нужно начинать снизу, с пункта производства, и затем выстраивать демократические институты, такие, как демократические профсоюзы, внедрять на всех уровнях демократические процедуры, демократизировать механизмы принятия решений в государственном управлении. Мы не собираемся упразднить бюрократию, если под ней понимается администрирование – нам нужно администрирование, но мы хотим, чтобы оно было честным, прозрачным и результативным, прежде всего в наших собственных организациях, а затем и в обществе в целом. Мы хотим, чтобы управление строилось на основе наших ключевых ценностей: справедливости и свободы. Именно такими будут ценности будущего общества – если мы создадим его на этих основаниях.

Еще о жизни и деятельности Дана Галлина.

В настоящее время Дан Галлин является председателем Глобального института труда, фонда, созданного в 1997 г. с секретариатом, расположенным в Женеве. ГИТ проводит исследования последствий экономической глобализации для трудящихся и профсоюзов, разрабатывает и пропагандирует новые стратегии, продвигает интернациональные идеи и действия в рабочем движении. До того с августа 1960 по апрель 1997 г. Дан работал в

Международном профсоюзе пищевиков, в том числе с 1968 г. на посту генерального секретаря.

Он родился в 1931 г. как гражданин Румынии, потерял гражданство в 1949 г., в 1989 г. получил гражданство Швейцарии. Изучал политические науки и социологию в университетах США и Швейцарии, с 1953 г. живет в Женеве. Будучи студентом в США, присоединился к социалистическому движению в 1951 г., с 1955 г. член Швейцарской социалистической партии. Член швейцарского Всеобщего профсоюза UNIA, был членом одного из его предшественников – швейцарского Профсоюза работников торговли, транспорта и пищевой промышленности с 1960 г. В 1992-2003 гг. был президентом Международной федерации ассоциаций рабочего образования (IFWEA) и с 30 июня 2000 по 31 июля 2002 г. Директором по вопросам организации и программы представительства Организации в глобальном масштабе женщин, занятых в неформальном секторе (WIEGO). Остается членом руководящего комитета WIEGO. В настоящее время занимается исследованиями проблем организации женщин, работающих в неформальном секторе экономики, историей рабочего движения и вопросами политики и организации международного профсоюзного движения.

Питер Холл-Джонс – координатор по информационной деятельности Сети нового профсоюзного движения (New Unionism Network) – <http://www.newunionism.net>. Сеть является неформальной всемирной группой профсоюзных активистов и исследователей рабочего движения, объединенной на принципах поддержки органайзинга, демократии на рабочих местах, интернационализма и творческого подхода к решению проблем. Иллюстрированная версия этого интервью находится по адресу <http://www.newunionism.net/redirects/gallin.htm>.

¹ Монатт, Пьер (1881-1960). Корректор по профессии, он был лидером французской Всеобщей конфедерации труда, когда она была революционной организацией, и создателем в 1909 г. ее газеты «Ви увриер» («Рабочая жизнь»). В годы Первой мировой войны он был интернационалистом – противником войны, в 1923 г. вступил во Французскую компартию, а в 1924-м был исключен из нее за то, что боролся против ее бюрократизации. После этого он вернулся к революционному синдикализму и в 1925 г. основал журнал «Ла революсьон пролетарьен» («Пролетарская революция»), который издается и сегодня (<http://revolutionproletarienne.wordpress.com>).

² Второй конгресс Коминтерна в 1920 г. принял «21 условие», документ, формализовавший и закрепивший начавшийся «великий раскол»; раскол, которому предстояло разделить рабочее движение на весь остаток века. Подробнее об этом можно посмотреть «Условия приема в Коммунистический Интернационал» (В.И. Ленин. ПСС, т.41, с.204-211). В особенности следует обратить внимание на следующий тезис: «На страницах газет, в народных собраниях, в профессиональном союзе, в кооперативе — всюду, куда получают доступ сторонники III Интернационала, необходимо систематически и беспощадно клеймить не только буржуазию, но и ее помощников, реформистов всех оттенков» (там же, с.205).

³ Мини, Джордж (1894-1980), в 1952-1955 гг. президент Американской федерации труда, затем, после ее объединения с Конгрессом производственных профсоюзов, до 1979 г. Президент АФТ-КПП.

⁴ Лавстон, Джей (1906-1989), один из создателей американской Компартии, затем лидер правооппозиционной группы (фракции сторонников Бухарина), которая была распущена в 1941 г. В 1943 г. он стал директором по международным отношениям Международного (США и Канада) профсоюза дамских портных, а с 1963 г. директором департамента международных отношений АФТ-КПП. Занимал этот пост до 1974 г. и был главным архитектором системы тесного сотрудничества АФТ-КПП с ЦРУ. Подробнее о Лавстоне можно прочитать в книгах: Ted Morgan. A Covert Life: Jay Lovestone, Comunist, Anti-Comunist, and Spymaster (N.Y.: Random House, 1999) и Poul Buhle. Taking Care of Business (N.Y.: Monthly Review Press, 1999).

⁵ Герой фильма – «черной» комедии Стенли Кубрика «Доктор Стренджлав, или Как я перестал бояться и полюбил атомную бомбу». В нем американский генерал-параноик организует ядерное нападение на Советский Союз, надеясь разрушить коммунистический заговор по «иссушению и загрязнению»

«драгоценных телесных флюидов» американского народа путем фторирования воды. Советником президента США в фильме является доктор Стренджлав, бывший нацист, образ «сумасшедшего ученого».⁶ Браун, Ирвинг (1911-1989), главный помощник Лавстона по грязным делам с 1930-х гг., организовывал «антикоммунистические» операции в рабочем движении, главным образом в Европе, включая создание печально знаменитого Средиземноморского комитета, организованного с помощью гангстеров во французских, итальянских и греческих портах.

⁷ Нимёллер, Мартин (1892-1984), знаменитый немецкий лютеранский пастор и теолог, занимавший антинацистские позиции. Наиболее широко известны следующие его строки (в разных вариантах): Сначала они пришли за коммунистами, но я не выступил против – я же не был коммунистом; Затем они пришли за социал-демократами, но я не выступил против – я же не был социал-демократом; Потом они пришли за профсоюзными активистами, но я не выступил против – я же не был профсоюзным активистом;

Они пришли за евреями, но я не выступил против – я же не был евреем;

И вот они пришли за мной – и оказалось, что нет уже никого, кто мог бы выступить в мою защиту.

⁸ Fusfeld, Daniel. *The Rise and Repression of Radical Labor 1877-1918*. – Chicago: Charles H. Kerr Publishing Company, 1980; Cayo Sexton, Patricia. *The War on Labor and the Left – Understanding America's Unique Conservatism*. – Boulder; San Francisco; Oxford: West View Press, 1991.

⁹ Рейтер, Уолтер (1907-1970), основной организатор и с 1946 г. президент Объединенного профсоюза автомобилестроителей, до 1939 г. член Социалистической партии, президент Конгресса производственных профсоюзов в 1952 г., вел переговоры о слиянии с Американской федерацией труда в 1955 г., со временем вошел в конфликт с из-за консервативной политики АФТ-КПП, создал недолго просуществовавший альтернативный профцентр – Альянс профсоюзных действий (1968-1972 гг.), куда вошли профсоюз водителей грузовиков и несколько более мелких профсоюзов (а также Объединенный профсоюз автомобилестроителей – перев.). 9 мая 1970 г. Рейтер и его жена Мэй погибли, когда нанятый ими самолет разбился на подлете к посадочной полосе близ профсоюзного рекреационного и учебного центра в Блэк Лейк, Мичиган. За полтора года до того, в октябре 1968 г. Рейтер и его брат Виктор едва не погибли при аварии маленького частного самолета при подлете к аэропорту Далласа. Оба несчастных случая удивительно похожи; предполагают, что при последнем крушении был испорчен альтиметр. Много лет спустя Виктор Рейтер сказал в интервью: «Я и другие члены нашей семьи убеждены, что и эта фатальная катастрофа, и почти фатальная в 1968 г. не были случайностью».

¹⁰ Хельстейн, Ральф (1908-1985), в 1946-1968 гг. президент Объединенных рабочих консервных заводов Америки (UPWA). Под его руководством профсоюз, входивший в КПП, стал одним из самых демократических и боевых профсоюзов США. Он организовывал рабочих мясо-консервной промышленности в США и Канаде, играл ведущую роль в борьбе за права расовых меньшинств и женщин. Когда UPWA слился в 1968 г. с Объединенным профсоюзом мясников, он стал вице-президентом и специальным советником нового профсоюза. Хельстейн занимал профсоюзные посты до 1972 г., умер в 1985 г. в Чикаго.

¹¹ Горман, Патрик Эммет (1882-1980), социалист на протяжении всей своей жизни, международный секретарь-казначей Объединенного профсоюза мясников и рабочих скотобоев (АФТ) в 1942-1976 гг. (профсоюз мясников был старым социалистическим профсоюзом с уставом европейского типа, в нем главным исполнительным лицом был не президент, а секретарь-казначей). Горман противостоял Минни по вопросам войны во Вьетнаме и многим другим политическим проблемам.

¹² Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, на идише Альгемейнер Арбетер Бунд ин Лите, Пойльн ун Русланд, чаще всего называвшийся просто Бунд (от немецкого и идишского «Bund» – союз, объединение), или Еврейский рабочий Бунд – еврейская политическая партия и профсоюз в нескольких европейских странах, действовавший в основном в 1890-х – 1930-х гг., остатки партии все еще существуют в США, Канаде, Австралии, Франции и Великобритании. Бунд оппонировал сионизму и выступал за признание евреев автономной культурной общностью в европейских странах. В этом и ряде других отношений он находился под сильным влиянием австро-марксизма, в Рабочем Социалистическом Интернационале стоял на левых позициях. В годы Второй Мировой войны активно участвовал в антинацистском сопротивлении в Польше и Литве; один из его лидеров, Марек Эдельман, был в руководстве восстания в Варшавском гетто в 1943 г., а затем участвовал в создании Комитета защиты рабочих (КОР) в 1976 г. и движения «Солидарность». Эдельман умер в Варшаве 2 октября 2009 г. в возрасте 90 лет. Два лидера Бунда, Виктор Адлер и Хенрик Эрлих, искавшие после немецкого вторжения в Польшу убежища в СССР, были в декабре 1941 г. казнены в Москве по приказу Сталина (на самом деле Х. Эрлих покончил в тюрьме жизнь самоубийством в 1942 г., В. Адлер был казнен в Куйбышеве в 1943 г. – *Прим. перев.*)

¹³ Бреннер, Отто (1907-1972), президент немецкого профсоюза металлистов IG Metall в 1956-1972 гг. В 1931 вышел из Социал-демократической партии Германии, членом которой был с юных лет, и вступил в Социалистическую рабочую партию Германии, созданную левыми социалистами и коммунистами-диссидентами – однако партия была создана слишком поздно и не смогла предотвратить приход Гитлера к власти. Бреннер был активным участником антинацистского сопротивления, был арестован в 1933 г.,

приговорен к двухлетнему заключению и находился под надзором полиции до конца войны. В 1945 г. вернулся в СДПГ и посвятил себя восстановлению профсоюзного движения. Во главе IG Metall играл ведущую роль в защите демократических прав и борьбе против ремилитаризации ФРГ. В 1961 г. был избран президентом Международной федерации металлистов.

¹⁴ Геффелер, Вильгельм (1906-1983), президент германского профсоюза рабочих химической промышленности IG Chemie в 1949-1969 гг., один из создателей послевоенного профсоюзного движения в Германии, активист СДПГ. Был последовательным борцом за развитие соучастия в управлении на предприятиях как в Германии, так и на международном уровне, последовательным защитником демократических прав. В конце 1960-х гг. президент Международного объединения профсоюзов работников химической промышленности (ICF).

¹⁵ Джонс, Джеймс Ларкин (Джек) (1913-2009), генеральный секретарь Профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих (Соединенное Королевство) в 1968-1978 гг. На протяжении всей своей деятельности он прилагал усилия к расширению полномочий и влияния цеховых старост (представители профсоюзов непосредственно на предприятиях – перев.). В 1937 г. вступил в ряды Интербригад в Испании и в следующем году был ранен. Джонс был так же вице-президентом Международной федерации транспортных рабочих, а после ухода с профсоюзных постов по возрасту организовывал кампании в защиту прав пенсионеров. В 1986 г. была опубликована его автобиография «Union man» («Человек профсоюза»).

¹⁶ Ренар, Андре (1911-1962), деятель бельгийского профсоюзного движения, активный участник Сопротивления в годы нацистской оккупации, создал подпольное унитарное профсоюзное движение, независимое от политических партий, после Освобождения добивался его распространения на всю страну, но не смог преодолеть раскол между социалистическими и католическими профсоюзами. Заместитель генерального секретаря социалистического профцентра Всеобщая федерация бельгийских профсоюзов, руководитель шестинедельной всеобщей забастовки 1960-1961 гг. против «политики экономии», проводившейся консервативным правительством. Последовательный сторонник автономии Валлонии (франкоязычной части Бельгии).

¹⁷ «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология, часть I: Фейербах. Противоположность материалистического и материалистического воззрений. – Соч., т. 3. – С.70)